

ЗОИ

Однажды в субботу, солнечным прохладным сентябрьским днем, когда мне было семь, я увидела, как мой папа свалился замертво. Я играла со своей любимой куклой на каменном заборчике вдоль подъездной дорожки к нашему дому, а папа стриг лужайку. Вот только он стриг лужайку — и в следующее мгновение уже лежит, уткнувшись лицом в землю, а газонокосилка продолжает неспешно спускаться по пригорку на нашем заднем дворе.

Сначала я подумала, что он уснул или играет в какую-то игру. Но когда я присела рядом с ним на лужайке, то увидела, что он лежит с открытыми глазами. Ко лбу прилипла влажная скошенная трава.

Я не помню, как звала маму, но, должно быть, это сделала именно я.

Когда я вспоминаю тот день — все, как в замедленной съемке. Газонокосилка, едущая сама по себе. Пакет молока, который выпал из маминых рук на залитую гудроном дорогу, когда я убежала на улицу. Вытянутые трубочкой губы, когда мама кричала в телефонную трубку, пытаюсь втолковать адрес, по которому должна приехать «скорая помощь».

Мама оставила меня у соседей, а сама поехала в больницу. Наша соседка — пожилая дама, чей диван нестерпимо вонял мочой. Она угостила меня мятными конфетами в шоколадной глазури, которые были настолько несвежими, что шоколад на краях побелел. Когда соседка поспешила к зазвонившему телефону, я вышла на задний двор и спряталась в живой изгороди. В мягкой земле под кустами я похоронила свою куклу и вылезла оттуда.

Мама так и не заметила, что кукла исчезла, — но тогда, кажется, она едва ли отдавала себе отчет, что и папы больше нет с нами. Она не проронила ни слезинки. Все похороны простояла, словно кол проглотила. Сидела напротив меня за кухонным столом, на который я иногда продолжаю ставить третий прибор для отца, пока мы ели запеканку с рубленным мясом и макароны с сыром и сосисками — блюда в утешение от коллег отца и наших соседей, которые надеялись едой компенсировать свое неумение найти нужные слова. Когда от обширного инфаркта умирает крепкий, здоровый сорокадвухлетний мужчина, скорбящая семья внезапно становится заразной. Подойдете слишком близко — и можете подхватить наше невезение.

Через полгода после смерти отца мама — все так же мужественно — достала из шкафа, который она делила с отцом, его костюмы и рубашки и отдала неимущим. В винном магазине она попросила ящики, сложила в них книгу, которую он читал и которая до сих пор лежала на прикроватной тумбочке, отцовскую трубку, коллекцию монет. Не стала складывать лишь фильмы с Эбботтом и Костелло, хотя всегда уверяла отца, что не понимает юмор этих двух комиков.

Ящики мама отнесла на чердак — место, которое, казалось, приманивало мух и жару. Поднявшись в третий раз, вниз она не спустилась. Вместо этого через колонки старого магнитофона полилась звеняще игривая песня. Я не все слова смогла понять, но в песне речь шла о колдуне, который рассказывал, как завоевать девичье сердце.

«Ооо иии ооо ах, ах, дзинь-дзинь, ла-ла-ла, бум-бум», — доносилось до меня. У меня внутри зародился смешок, и поскольку в последнее время поводов для смеха было мало, я поспешила к источнику звука.

Когда я поднялась на чердак, то застала там плачущую маму. — Эта песня... — всхлипнула она, проигрывая мелодию еще раз. — Он так радовался, когда ее слышал.

Я сочла за благо не уточнять почему, чтобы она еще больше не разрыдалась. Вместо этого я прильнула к ней и стала слу-

шать песню, которая наконец-то дала моей маме возможность заплакать.

У каждой жизни есть своя мелодия.

Есть мелодия, которая напоминает мне о том лете, когда я натирала живот детским маслом, чтобы добиться идеального загара. Еще одна напоминает мне о тех воскресных утрах, когда я следовала за отцом по пятам, в то время как он шел за газетой «Нью-Йорк таймс». Есть песня, которая напоминает мне о том, как я по липовому удостоверению личности пыталась пройти в ночной клуб, а есть та, которая мысленно возвращает меня в день, когда моя двоюродная сестра Изабель праздновала свое шестнадцатилетие, а я исполняла «Семь минут на небесах» с парнем, от которого пахло томатным супом.

Если хотите знать мое мнение, музыка — это язык памяти.

Ванда, дежурная сестра в интернате для престарелых и инвалидов «Тенистые аллеи», протянула мне пропуск, с которым я вот уже год входила сюда, чтобы поработать с разными пациентами.

— Как он сегодня? — спрашиваю я.

— Как обычно, — отвечает Ванда. — Раскачивается на люстре и развлекает аудиторию одновременно чечеткой и театром теней.

Я улыбаюсь. У мистера Докера приступы слабоумия. За те двенадцать месяцев, что я занимаюсь с ним музыкальной терапией, он всего дважды отреагировал на мое появление. Большую часть времени он сидит в своей кровати или инвалидной коляске, смотрит сквозь меня, не отвечая ни на какие внешние раздражители.

Когда я сообщаю окружающим, что я музыкальный терапевт, они полагают, что я играю на гитаре людям, лежащим в больнице, — что я просто исполнитель. В действительности же моя работа сродни работе физиотерапевта, только вместо беговой дорожки и шведской стенки я использую музыку. Когда я объясняю это людям, они обычно отмахиваются от моего занятия, как от новомодной примочки.

На самом деле под музыкальную терапию подведена серьезная научная база. На энцефалосцинтиграмме видно, что музыка

затрагивает среднюю префронтальную кору головного мозга, и в мозгу человека вспыхивает воспоминание. Неожиданно человек видит место, другого человека, какой-то случай из жизни. Чем точнее ответы на музыку — чем ярче вызванные воспоминания, — тем бóльшая активность регистрируется на энцефалоцинтиграммах. Именно поэтому пациенты, перенесшие инфаркт, могут вспомнить стихи до того, как вспомнят язык, именно поэтому пациенты с болезнью Альцгеймера продолжают помнить песни своей молодости.

Именно поэтому я до сих пор не опустила руки с мистером Докером.

— Спасибо, что предупредила, — говорю я Ванде, беру свою большую брезентовую сумку, гитару и традиционный африканский барабан, джембе.

— Немедленно положи инструменты. Тебе нельзя поднимать тяжести, — настаивает она.

— В таком случае лучше избавиться от этого, — говорю я, касаясь живота. В свои двадцать восемь недель я просто огромных размеров — и, разумеется, я шучу. Слишком долго я трудилась, чтобы иметь этого ребенка, чтобы беременность была мне в тягость. Я машу Ванде рукой на прощание и иду по коридору начинать сегодняшний сеанс.

Обычно с пациентами из дома престарелых я работаю в группах, но мистер Докер — особый случай. В прошлом генеральный директор одной из пятисот рейтинговых компаний, теперь он вынужден доживать последние дни в этом очень дорогом доме для престарелых, а его дочь Мим оплачивает наши еженедельные сеансы. Ему чуть меньше восьмидесяти, у него густая грива седых волос и заскорузлые пальцы, которые, видимо, когда-то играли на джазовом фортепиано.

Последний раз мистер Докер дал понять, что знает о моем присутствии, два месяца назад. Я играла на гитаре, а он дважды ударил кулаком по подлокотнику своей инвалидной коляски. Не знаю, то ли он хотел присоединиться, то ли пытался сказать мне, чтобы я прекратила, — но он поймал ритм.

Я стучу в дверь. Открываю.

— Мистер Докер! — окликаю я. — Это Зои. Зои Бакстер. Как насчет музыки?

Кто-то из персонала пересадил его в кресло. Он сидит и смотрит в окно. Или просто сквозь него — ни на что конкретно. Его руки, похожие на клешни рака, лежат на коленях.

— Отлично! — поспешно добавляю я, пытаюсь протиснуться между кроватью, тумбочкой, телевизором и столом, на котором остался нетронутым завтрак. — Что сегодня будем петь? — Я немного подождала, не очень-то надеюсь на ответ. — «Ты мое солнышко»? — спрашиваю я. — «Теннесси вальс»?

Я пытаюсь в этом уголке за кроватью вытащить из кофра гитару — здесь слишком тесно для моих инструментов и моего живота. Кое-как пристроив гитару себе на живот, я беру несколько аккордов. Потом, немного подумав, откладываю инструмент в сторону.

Роюсь в сумке в поисках маракасов — у меня тут множество небольших музыкальных инструментов для подобных okazji. Я осторожно кладу инструмент на его изогнутую руку.

— На случай, если захотите присоединиться. — Потом начинаю негромко напевать: — «Возьми меня с собой, возьми меня...»

Окончание повисает в воздухе. В каждом человеке живет желание закончить знакомую фразу, поэтому я надеюсь, что он пробормочет «туда». Я смотрю на мистера Докера, но он продолжает молчать и неподвижно сжимать в руке маракас.

— «Купи мне орешков и крекеров, и наплевать, что не вернусь назад».

Я продолжаю петь, аккомпанируя себе на гитаре, встаю.

— «Позволь мне поболеть за нашу команду; если наши проиграют — какой позор! Раз, два, три...»

Неожиданно рука мистера Докера взмывает вверх, и маракас летит мне в лицо. Я чувствую кровь на губах. Я настолько изумлена, что отступаю назад, из глаз брызгают слезы. Я прижимаю руку к рассеченной губе, не желая, чтобы пациент заметил, что сделал мне больно.

— Я чем-то вас обидела?

Мистер Докер молчит.